

Роман Бобров

12+

Шесть миров Бенджамина Брайана

фантастика

Роман Бобров
Шесть миров
Бенджамина Брайана

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Бобров Р.

Шесть миров Бенджамин Брайана / Р. Бобров — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Главный герой Бенджамин Брайан, подсобный рабочий в магазине, ведет жалкий образ жизни, но обладает даром в мечтах создавать целые миры. Постепенно граница между реальностью и фантазией стирается, а героя все сильнее затягивает водоворот вымышленных событий. По мере погружения в интриги храмовых жрецов и откровения оракула мир вокруг Бенджамин начинает меняться. В космических путешествиях по глубинам галактик герой обнаруживает Тьму, стремящуюся поглотить все во Вселенной. Стоит ли главному герою надеяться на помощь древнейших существ? Чем закончится противостояние реальности и вымысла?

Вместо эпиграфа

*Береги мои хрупкие мысли:
Они стали лужёной сильней.
Загляни в мои разные лица-
И в душе твоей станет светлей.*

*Пусть хранится заветною песней
Неизведанный новый напев,
Чтобы чувства, неба прелестней,
В сердце вспыхнули, разом согрев.*

*Чтобы неба хмурые тучи
В синеве растворились в прах,
Чтобы Солнца яркого лучик
Светлым счастьем застыл на устах.*

Мужчина, лет сорока, сидел на складе в маленьком английском магазинчике в провинции Гемпшир и что-то усиленно мастерил из помятого листка бумаги. Маленького роста, с грубыми руками, но жилистый, он тербил небритый подбородок грязной рукой, оставляя серо-черные полосы и продолжая некую пародию на оригами.

—

Эй! Брайан! Тащи свою задницу сюда! – послышался голос из коридора. Тотчас мужчина сорвался с места, поспешно положив плод своих трудов в карман.

—

Да, сэр Хайди, – сказал он, подходя к полному властному мужчине лет пятидесяти.

—

Скажи мне, какого черта я тебя здесь держу?! Почему уже полчаса как пришел товар, а ты его еще не разгрузил. Я тебя грузчиком брал, черт тебя дери, или мечтателем? Пошел вон! И если через пять минут товар не будет лежать по местам, я тебя не просто уволю. Я пробью тебе твою чертову голову, а потом ты еще месяц будешь отрабатывать, а я тебе не за плачу ни копейки! – сэр Хайди развернулся и ушел.

Бенджамин поспешно проследовал к пирамиде из ящиков и принялся за работу. Получал он катастрофически мало. Ему не хватало ни на что. Он годами не мог себе позволить купить одежду, вместо этого с благодарностью принимая обноски сжалившихся над ним соседей или знакомых. На еду у него тоже не хватало, поэтому соседка, работающая в благотворительной организации по опеке над бездомными животными, подкармливала его тем, что оставалось от несчастных кошек и собак. Говорить о каком-то самоуважении не приходилось, но было в нем нечто особенное. Что-то неуловимое, что не могли разгадать ни сэр Хайди, ни соседка, ни другие. Какая-то сила таилась в нем, будто дремала и ждала своего часа. Этот безвольный, опустившийся человек ничем, вроде бы, не выдавал себя. Он был равнодушен ко всему, что происходило вокруг: не спорил, не ругался, ничего, казалось, не хотел. Не пил, не курил, не играл в азартные игры, и, наверное, эта его независимость и отвлеченность больше всего раздражала сэра Хайди. "Он неуправляем!" – часто думал тот о бедном грузчике. Но все-таки была у Бенджамина Брайана одна страсть, которая являлась всем святым для него – мечты. Этот сладкий миг погружения в себя, в далекие миры. Именно они, мечты, давали ему независимость и свободу, отвлекали от всего того кошмара, в котором он жил. Они не давали ему сойти с ума, и они были смыслом всей его жизни.

–

Бенджамин! – послышался голос из-за двери, стоило ему только вернуться домой.

–

Здравствуйте, миссис Вайзли, – сказал он, открывая дверь.

Миссис Вайзли бесцеремонно прошла внутрь и по обыкновению выложила на ветхий стол тарелки, а старые собрала в стопку.

–

И когда ты возьмешься за ум, Бенджамин? Сколько можно вот так жить? Найди нормальную работу, женись.

Она практически каждый раз говорила одно и то же, чтобы хоть как-то оправдать свою заботу. Единственная причина, по которой она это делала, была жалость. Ей казалось, что если она перестанет его кормить, то он просто умрет с голоду, но не изменится. Не будет просить, ничего предпримет, просто сядет и умрет. И от этой мысли у нее холодело внутри.

Бенджамин не спеша перекусил и достал из кармана модель какого-то существа, которую он мастерил. Ему было необходимо определиться, каким все-таки будет в его мечтах летающее существо для перемещения по планете. Он был сторонником точности и всегда скрупулезно продумывал все детали объектов, участвующих в его мечтах. Взгляд его стал задумчивым, и он припомнил, на чем остановился. В его голове зажглись образы, ожили, и он ощутил себя там. Среди тенистых неандровых деревьев, на ветвях которых сидели маленькие мохнатые головастики. Их большие грустные глаза смотрели с какой-то просьбой. Это были трики. Трики обожали смолу ниандровых деревьев и прекрасно пели. Ласковые высокие голоса пели то в унисон, то строя аккорды. Зеленовато-желтый свет лился от огромного газового гиганта, занимавшего полнеба. Недалеко от деревьев тек ручей, наполненный ярко-синей водой. Вот вдалеке забрезжил свет. Это принц Тиату мчался на королевском лаиде. Некое подобие рогов, как у буйвола, но более элегантных, на голове принца были обмотаны в цвет королевской мантии, которая венчала его плечи. Верхние руки украшало множество обручей, что свидетельствовало о силе и положении, нижние руки были скрещены на драгоценном фамильном поясе, охватывающем низ кирасы под мантией. Гвардейские сапоги от пят до пояса были начищены и сверкали под светом неяркого солнца. Лайд летел в паре метров над землей, его полупрозрачное тело светилось после водопооя на светящемся источнике Диарат. Больше всего лайд был похож на гигантскую плоскую улитку без раковины. Только улитки не умеют летать, а лайды летают и очень быстро. И умеют метать в противника ядовитые шипы. Принц мчался на верную гибель. Его возлюбленная, дочь вождя враждебной страны Занго, любила его, но была обязана сочетаться браком с местным вельможей – такова была воля родителей. До свадьбы оставались считанные часы, а на пути стояли орды войск, выстоять против которых он не сумел бы и нескольких секунд. Но не логика владела сейчас его умом, а любовь. Принц мчался как ветер, огибая препятствия или поднимаясь ввысь. Впереди показалась пограничная застава.

–

Что это? Там впереди? – спросил один часовой у другого.

–

Не знаю. Что-то светится, – ответил второй.

–

Подожди, так это же... это же лайд! И не просто лайд, а королевский! – заорал первый.

Тиату мчался прямо на них. Часовые выставили трезубцы вперед, ожидая боя, но королевские лайды отличались некоторыми трюками, которые они проделывали. Тиату выставил вперед руку ладонью вверх, и огромный светящийся зверь взмыл вверх, просто перелетев через

пограничный пост. Этого часовой никак не ожидали, они растерянно забегали взад вперед, а затем подали сигнал, что граница нарушена. Теперь принц находился в западне: один на вражеской территории, в окружении многочисленного войска Зангов. Словно ослепленный безумец, он мчался в столицу Занго Буртенг. Позади него собралась погоня из нескольких сотен стрелков на боевых лайдах. Но показавшаяся стена-крепость, окружавшая Буртенг, не оставляла шансов. На башнях всегда дежурили стрелки с пушками, это принц знал наверняка. Подъехав к стене, он замедлил ход и остановился у ворот. Нацеленные пушки безжалостно смотрели на молодого Тиату, а позади его брали в кольцо нагоняющие стрелки...

–

Бенджамин! Открывай скорей, там внизу разъяренный сэр Хайди. Он негодует по поводу твоего опоздания на работу, – кричала соседка.

Бенджамин безропотно встал и открыл дверь.

–

Где этот чертов ублюдок! – слышались крики с лестницы.

–

А вот ты где! – грузный сэр Хайди шел, размахивая руками от негодования.

–

Какого черта твоя задница не притащилась на работу?! Ты думаешь то приличное жалование, которое я тебе назначил, можно получать, сидя дома?!

Бенджамин ничего не отвечал. Он лишь молча стоял в дверях и хлопал глазами.

–

Ты ничтожество! Я тебя уничтожу, никчемный ублюдок! Ты уволен! А по городу я пушу слух, чтобы тебя никуда больше не брали! Ты сдохнешь!

Бенджамин продолжал стоять и хлопать глазами.

–

Черт! Ты что, даже не в состоянии ответить мне?! – казалось, что Бенджамин не понимает, что происходит, и это злило и без того вспыльчивого сэра еще больше.

–

Да, сэр, – моргая, ответил растерянный мужчина.

–

Что, да, сэр?! Ты... ты... ты... – лицо сэра Хайди покраснело, слова застряли в горле, а рука потянулась к сердцу. Тучный мужчина стал оседать на пол.

Вылетевшая вдруг из своей двери соседка запричитала:

–

Сэр Хайди! Сэр Хайди! Врача! С сердцем плохо! Сэр Хайди!..

Бенджамин, по-прежнему стоящий в двери и моргающий глазами, не нашел ничего более уместного, как просто закрыть дверь. Скорчив сконфуженную гримасу и скрестив пальцы, он отошел от двери. 'Как все это не к стати, – подумал он. – Вся эта суета. У меня там такое, а они отвлекают...'

Принц Тиату оглянулся на догнавших и окруживших его стрелков.

–

Тебе конец! – прокричал кто-то со стены.

Принц достал древний артефакт, который назывался "Рог божественного гласа", и подул в него. Первые звуки с шипением вырвались наружу, но вдруг начали превращаться в прекрасную мелодию, от которой грудь теснили воспоминания. Принц не останавливался, а музыка

лилась, рождая слезы умиления на лицах солдат. Наконец музыкальная мысль была закончена, и Тиату медленно опустил рог.

–

Послушайте меня, братья! Не враг я вам, – он огляделся по сторонам, пытаясь найти понимание у своих слушателей.

–

Я пришел с миром! Нет при мне оружия. Меня привела сюда любовь. Любовь к прекрасной принцессе Нирти! Если к кому-то в дом придет человек, чтобы посвататься к его дочери или сестре, неужели вы убьете его?

–

Но принцесса вот-вот выйдет за графа Ишату! – возразил кто-то из толпы.

–

Да! Но это не ее воля! Она не желает этого союза! Да и для королевской семьи... что за союз с графом. Неужели он лучше союза с принцем, будущим королем?

–

Убейте его! – прокричал подоспевший король Зааши.

–

Неужели вы убьете человека, желающего принести вам мир и процветание? Я пришел к вам как к родным, потому что цель моя – объединить, но не воевать.

–

Я знаю, зачем ты пришел. Надеюсь, ты понимал, что этот фарс – дорога в один конец! – прокричал Зааши, – да, не сомневайся, ты умрешь. Видимо, такова воля богов. Такова судьба. Так сложились звезды!

–

Великий король Зааши, я прошу милосердия: при мне нет оружия. Не воевать или сражаться я пришел. Пощади меня, – Тиату склонил голову.

–

Не могу! А чего ты ждал, мчась сюда?! Неужели тебе было непонятно, что это самоубийство. Если ты настолько глуп, то тем более моя дочь не должна соединять с тобой свою судьбу, и не должна страна иметь такого глупого короля. А если у тебя какое-то коварство на уме и ты лжешь, то все равно тебе не выстоять. Я не понимаю, действительно не понимаю, зачем ты это сделал. Но пощадить тебя не могу.

Воины застыли.

–

Но ты умрешь достойно! – сказал король и оглянулся на подоспевшего главу дворцовой охраны, – выпустить Артара.

Раздался ропот, стрелки, окружившие Тиату, отступили назад. Все затихло. Лишь бездомный ветер трепал дворцовые стяги. В воротах замка что-то громко клацнуло, и решетка в главном портале начала подниматься под аккомпанемент звенящей в механизме цепи. Наконец путь был открыт, и почти в тот же миг послышался приглушенный ужасающий рык. Стрелки, отошедшие от принца на значительное расстояние, бросились бежать. Тиату, распрямив плечи,

бесстрашно смотрел навстречу гибели. Двуглавое сердце принца дрогнуло. К нему даже не шел, а плыл гигантский живой каменный паук. В сочленениях суставов была видна синяя энергия, которая питала и двигала камни. Горящие, как молния, синие-белые глаза монстра беспощадно смотрели куда-то сквозь жертву. Приблизившись еще немного, чудище открыло пасть, и помимо оглушительного рыка изо рта сверкнула молния, ударив в песок совсем близко от Тиату. Принц поднял единственное, что было у него в руках, рог божественного гласа, и заиграл. Артар застыл, глаза стали гореть умереннее, он слушал, слушал музыку вечной жизни и любви. Рождающиеся мотивы были прекрасны и просты, как древние истины, они задевали наиболее чувствительные струны в душе каждого. Воины опустили головы, настолько прекрасным и страшным было это зрелище. Прощальная песня перед беспощадным монстром. Наконец рог замолчал. Тиату медленно опустил трубу, сказать ему больше было нечего. И в тот же момент глаза Артара загорелись с той же силой, что и прежде, а затем раздался оглушительный рев. Выпад... и жернова-челюсти сомкнулись в полуметре от плеча принца. Но лайд не сдавался, он не хотел умирать и приступил к обходному маневру. Раздавшийся рев опять полоснул по ушам, и тут же сверкнула молния. Лайд еле успел взлететь и перемахнул через чудище. Оказавшись спиной к опасности он рванул что есть мочи. Сзади послышалось гудение электрического разряда, и с огромной скоростью, обгоняя их, пролетели камни. Сформировавшись в чудище, они выстроились впереди, и через мгновение, сверкнув разрядом, вспыхнули глаза монстра. Лайд остановился. Без оружия, уступая по скорости и силе, лайд все равно не сдавался. Тиату же сидел, безвольно опустив руки и голову.

–

Скажи: сопричастие, открой мне дверь! – послышался голос в голове принца.
Тиату поднял голову.

–

Это ты? – спросил он лайда, – ты умеешь говорить?!
В ответ последовало молчание. Затем снова:

–

Скажи: сопричастие, открой мне дверь!

–

Кто говорит со мной? – спросил принц.

–

Я! – ответил голос в голове, и глаза чудища моргнули.

–

Благодари судьбу за то, что ты до сих пор жив, меня удерживают мотивы и силы, о существовании которых ты даже не подозреваешь. Вы считаете нас страшными чудищами, и даже не догадываетесь, что мы вполне разумны и гораздо ближе к Творцу, чем вы. Ты должен сказать: сопричастие, открой мне дверь. Но помни – найди грозовой ключ.

–

Не может этого быть!! – опешил принц.

–

Говори или умрешь!! – прокричал голос Артара в голове, и тут же челюсти клацнули совсем рядом.

–

Сопричастие! Открой мне дверь! – в последний момент крикнул Тиату.

И в тот же миг что-то моргнуло, и принц вместе с лайдом исчезли.

–

Что? – проревел Зааши, наблюдая за боем в окулятор, – куда он делся?! Это невозможно!

–

Отец! Что ты делаешь?! – вскрикнула с плачем вырвавшаяся на стену принцесса Нирти.

–

Он исчез! Куда он исчез?! Отвечай! – заорал отец на принцессу.

–

Кто? – изумилась Нирти.

–

Тиату! Он исчез, где он?! – не стихал король.

–

Он исчез! Слава Богам! Он не умер! – принцесса, взглянув вверх, подняла руки к небу.

–

Арр!! – взревел разъяренный король и поспешил в замок.

Сколько он ни пытался узнать, что за фокус помог исчезнуть принцу, сделать это не удалось. Подобной техники не существовало, а те упоминания о похожих чудесах, которые были в легендах, при исследовании оказывались либо хорошо подготовленным фокусом, либо просто вымыслом. Единственное, что поставило в тупик короля Зааши, это письмо от короля Уиара, правителя соседней страны Шируан. Он слезно просил отдать тело его погибшего сына, принца Тиату, дабы воздать ему все посмертные почести. Да. Это была загадка для всех. Принц Тиату просто пропал. И никто, как хорошо ни искал, не мог найти даже малейших следов того места, где он мог находиться. Лишь только заточённый в подвалах крепости Буртенг Артар всю ночь парил под потолком и негромко пел. А вокруг него постоянно сверкали молнии.

"Да. Так это и закончилось", – подумал Бенджамин. Очередная мечта была окончена, и в душе царил восторженный покой. Все, казалось, искрилось и ликовало, но и наступило какое-то опустошение. Бенджамин вдруг вспомнил про сэра Хайди и моргнул глазами. Затем подошел к двери и открыл ее. За ней никого не было. "Странно", – подумал Бенджамин, пожал плечами и закрыл дверь. Вечером он пошел по обыкновению кормить птиц. Его жалования не хватало на собственное пропитание, но для птиц его вполне могло хватить. Он зашел в знакомую лавку и купил пару футов семечек. С этим ценным грузом он отправился в парк, где обычно любили пастись голуби. Сев на свободную лавочку, он принялся щедро разбрасывать семечки. Птицы набросились на эти яства и поначалу даже дрались, пока не выяснилось, что хватит не всем. Довольный Бенджамин смотрел, как птицы ели, и какой-то детский необъяснимый восторг наполнял его сердце.

–

Сэр, простите, вы так щедры к птицам. Может, вы и меня покормите? – спросил мужчина, облокотившись на спинку лавочки, где сидел Бенджамин. Волосы его были грязными и растрепанными, а одежда местами порвана.

–

А... если честно, меня бы самого кто покормил, – признался Бенджамин.

–

Не соблаговолите ли вы пояснить, многомилостивейший господин?

–

А что тут непонятного? – переспросил Бенджамин.

–

Не хотите ли вы этим сказать, сэра, или дать мне понять, сэра, чтобы я убирался прочь? – любезно поинтересовался незнакомец.

–

Нет-нет, что вы? Просто я сам голоден, а денег у меня нет...

Незнакомец резко выпрямился и стянул любезную улыбку с лица.

–

Ишь ты, хрен какой, денег у него нет, и еще любезничает тут сидит! – выпалил незнакомец и удалился.

Бенджамин моргнул, перевел взгляд на птиц, а через минуту вновь улыбался, напрочь забыв об этом разговоре.

На следующий день он, как ни в чем не бывало, пришел на работу. Молодой человек представился сэром Хайди-младшим и сообщил о скоропостижной кончине отца. Поэтому все дела теперь будет вести он. Все разошлись по своим местам. На складе была тишина и порядок. Только бабочка, залетевшая в окно, билась о лампочку и тщетно искала выход. Бенджамин подставил небольшой стол под лампу, затем водрузил на него стул и посмотрел на бабочку. В глазах его мелькнула грусть сострадания. Взяв с полки пустую банку, он забрался под самый потолок, и через мгновение бабочка была в банке. Дверь на склад резко распахнулась.

–

Э... – вошедший сэра Хайди-младший меньше всего ожидал увидеть рабочего склада на шаткой конструкции под потолком да еще и с банкой в руках. Слова застыли в горле, а мысль, которую он хотел донести, улетучилась в неизвестном направлении. Округлив глаза и запечатлев эту картину на несколько секунд в памяти, молодой сэра вышел, закрыв дверь. В этот момент послышался грохот и звук разбившегося стекла. Сэра Хайди-младший вновь открыл дверь. Бенджамин лежал на полу около стола, ножки которого треснули, а одна так и вовсе лежала рядом. Недалеко от него были рассыпаны осколки разлетевшейся вдребезги банки, а сверху о лампочку билась бабочка.

–

Э... – еще раз попытался что-то сказать сэра Хайди – младший, но, так и не определившись, что следует говорить в таких случаях, снова удалился.

Бенджамин лежал на полу. Плечо ужасно саднило, а нога, пульсируя в голеностопе, разбухла на глазах. Он аккуратно встал, но опереться на травмированную ногу не было сил. Тогда он поднял стул и, пропрыгав с ним к стенке, сел на него.

–

И почему так? – заговорил он сам с собой, – ни одно доброе дело не остается безнаказанным?

Бабочка билась о лампочку как ни в чем не бывало. Бенджамин некоторое время задумчиво смотрел на лампочку, потом закрыл глаза. Он представил, что лампочка – это шар, а он оракул.

Оракул по имени Зант сидел перед своим магическим шаром и силился что-то увидеть, но... увы. Все его ритуалы и фокусы были шарлатанством. Да, он брал с людей деньги, причем, с большим удовольствием и энтузиазмом, и нещадно обманывал их. Он размышлял так: "Обряд – это как красивое действие, а фокусы и в цирке тоже показывают. Люди же не жалуются: ходят в цирк, в театр и платят деньги за билеты. Вот и у меня тоже, своего рода, цирк." Вдруг в темной комнате послышалось какое-то шуршание.

–

Кто тут? – спросил Зант, и сердце в его груди бешено заколотилось.

Ответа не последовало. Опять где-то зашуршало. Зант, как мог, взгляделся в темноту, но увидеть что-либо ему решительно не удавалось. Он жил в мире фантазий об умерших душах, призраках, вампирах и прочих потусторонних выдумках. И хоть он и играл на людском страхе, но сам боялся всего этого еще больше. Опять шуршание, совсем близко. Вдруг из темноты на магический шар сел мотылек.

–

Фух... Как ты меня напугал. Аж сердце в пятки ушло! – выдохнул оракул.
Мотылек прополз на самую верхушку шара и развернулся к Занту.

–

Боишься? – послышался шепот мотылька, который водил усиками, словно пытаясь разглядеть незнакомца.

–

Бр.. – Зант потряс головой и протер глаза. Мотылек сидел на месте.

–

Бойся! Ты обманываешь людей, пугаешь их.

–

Я... я не хотел. Я просто... – залепетал Зант.

–

Замолчи! Ты больше не будешь прежним, жалкий фокусник! – сказал мотылек и вспорхнул в темноту.

Зант не мог поверить в происходящее. Он медленно встал и пошел из комнаты. "Как такое может быть?" – думал он. Открывая дверь, он взглянул в небольшое зеркало. Мотылек сидел у него на лбу, затем поднял крылья, а потом прижал их ко лбу, сливаясь с поверхностью кожи. Зант, как ошпаренный, принялся отряхивать лоб, но на коже ничего не было. Оракул открыл дверь и побежал в ванную. Он умывал лицо, смотрел в зеркало, затем опять умывал и снова смотрел. В последний раз умывшись, он посмотрел на себя в зеркало, вытирая лицо полотенцем.

–

До чего ты докатился? – спросил он вслух у своего отражения.

Отражение вело себя хорошо, и никаких признаков сумасшествия он не обнаружил.

–

Так- то лучше. А то испугался, сам не знаешь чего.

Этот странный случай стал поворотным в жизни Занта. Повернувшись, оракул вышел на крыльцо своего дома. На улице было тепло. Проходящая мимо молодая мама тащила за руку сына и отчитывала:

–

Ты больше не пойдешь гулять, если не будешь слушаться! Если мама говорит «нельзя», то – «нельзя».

–

Мама, я хочу туда-а, – кричал, сопротивляясь, малыш.

–

Извините, если вы будете ему все запрещать, то через два года он убежит из дома и попадет под машину. Лучше просто оберегайте его, но не гасите тягу к познанию, – сказал оракул, повинувшись внутреннему голосу, который явно твердил, что так оно и будет.

Женщина посмотрела на него, застыв и остановившись, затем дернула малыша за руку и пошла вперед. Оглянувшись на ходу, она резко бросила Занту:

–

А вы кто такой, чтобы поучать меня, как воспитывать ребенка?

–

Я оракул Зант, и лучше бы вам прислушаться. Иначе недалеко до беды. Между прочим, та кастрюля с супом, которую вы оставили на плите, уже сгорела, и ее можно только выкинуть, – закончил он и, развернувшись, зашел в дом.

–

Ой! Боже! Суп забыла! – послышалось за дверью.

Голова оракула была ясной, как никогда, но появилось в ней что-то новое, необычное. Какое-то глубокое сопереживание диктовало ему события, произошедшие или которые могли произойти с тем или иным человеком. Он буквально представлял себе эти сцены, они всплывали как ненавязчивые воспоминания. Вдруг Зант вспомнил, что вечером обещал прийти на ужин к давним знакомым семьи, и решил предварительно перекусить, потому что по обыкновению стол у них был таким скромным, что насытиться решительно не удавалось никогда. Взяв немного овощей и приличный кусок мяса, он принялся уплетать все это, сдабривая экзотическим соусом. Затем направился к графину и налил себе в стакан морса. "Да. Теперь я готов к ужину", – подумал Зант, положив руку на живот. Переодевшись, он по обыкновению перед выходом посмотрел на себя в зеркало, вид был вполне обычным, не слишком торжественным и не слишком бытовым. Удовлетворившись видом, оракул развернулся, собираясь уходить, но вдруг остановился и медленно посмотрел на свое лицо, затем провел рукой по лбу. Недавнее происшествие давало о себе знать. Путь до знакомых был коротким, но дорогой он заметил, что обо всех прохожих он мог что-то сказать. Кого-то он представлял младенцем, которого нянчит кто-то незнакомый. И их же мог увидеть глубокими стариками. Другие так откровенно и громко о чем-то думали, что оракул без труда мог определить, о чем. Эта способность напугала его, потому что была невыносимой. Все эти люди будто лезли ему в голову, чего он, собственно, не очень-то и хотел. Подойдя к невысокому желтому особняку с белыми колоннами, Зант позвонил в дверь. Открывая ему, мадам Кёрни была улыбочива и любезна, как никогда.

–

Добрый вечер, Зант. Заходи, мы все тебя ждем, – сказала она, улыбаясь.

–

Здравствуйте, мадам Кёрни, я очень рад вас видеть, – любезно ответил оракул, улыбаясь.

Все было таким, как он помнил. Единственное, ваза, которую обожала хозяйка дома, отсутствовала. И самое ужасное заключалось в том, что Зант откуда-то догадывался, по какой причине.

–

Мне жаль вашу вазу, но Дашер не виноват, – сказал он, ища взглядом заслуженного хулигана этого дома, лабрадора, по кличке Дашер.

–

А.. – мадам Кёрни оглянулась на мистера Кассо, их сына, молодого Бара, стоящего в дверях, – да, но я ведь еще не говорила, что произошло.

–

Конечно. Но я знаю, что это Дашер резвился с мячиком и не рассчитал поворот, правда, сам не знаю, откуда мне это известно.

–

О, Зант! Это что, какой-то новый трюк? Как ты это делаешь?

–

Да, нет. Я просто как будто помню это. Что-то, типа, де-жавю, – Зант смущенно стоял возле пустой тумбы и не знал, что ответить дальше.

–

Ну-ну, – засмеялся мистер Кассо.

–

Пойдемте за стол, сказала мадам Кёрни и показала рукой на столовую.

–

Прекрасно сервированный стол сверкал начищенными столовыми приборами, но блюда почему-то состояли, в основном, из травы.

–

Зант, мы открыли для себя здоровую кухню. Ты знаешь, сколько полезных и нужных нашему организму растений находится буквально под нашими ногами? Одуванчики, крапива, мать-и-мачеха и многие другие...

–

Признаться, я не голоден, так получилось, что я плотно покушал. Может быть, позже?

–

А! Конечно. Как скажешь, Зант.

Оракул знал, что есть будет нечего, но не до такой же степени...

–

Расскажи, над чем ты сейчас работаешь? Разрабатываешь очередной трюк? – спросила хозяйка дома, показывая на диван в гостиной.

–

Вовсе нет. Я немного устал от постоянных уловок и трюков, меня начинает терзать собственная совесть, по всей видимости, иначе, откуда взялись непонятные кошмары в моей голове.

–

Совесьть?! Ха-ха! Это что-то новенькое! – воскликнул мистер Кассо.

Зант внимательно посмотрел на мистера Кассо грустными глазами и сказал:

–

Я, действительно, не хочу знать о многих вещах, но они лезут мне в голову. Допустим, мне совсем не интересно, что вы приезжаете на работу на 15 минут раньше и сидите в машине, для того чтобы понаблюдать, как мимо пройдет ваша соблазнительная коллега-блондинка. А между прочим она знает, что вы это делаете, и намеренно проходит мимо вашей машины.

–

Э.. – подавился собственной саркастической улыбкой мистер Кассо.

–

Что-о?! – протянула, как сирена, мадам Кёрни.

–

И попробуйте сказать, что я это выдумал. Вы про это никому не говорили и этого не знает никто, кроме вас, – с таким же грустным выражением, вздохнув, сказал Зант.

–

Не знаю, какую игру затеял, но ты это делаешь напрасно! – зло предостерег его мистер Кассо.

–

Мы с тобой потом поговорим, – пригрозила мужу мадам Кёрни.

–

Мадам, я бы не стал грозить вашему мужу, потому что его подглядывания выглядят абсолютно невинными по сравнению с тем, до чего вы дошли с тем артистом, который гоняется за вашими деньгами. Он уже стащил ваши серьги, и это только начало...

–

Та-ак!! – теперь очередь возмущаться дошла до мистера Кассо.

–

Я... Ты заплатишь за это! – взвизгнула она.

Беззаботный Бар хохотал в дверях, глядя на разыгрывающуюся сцену.

–

А ты чего смеёшься? Иди лучше убери эту гадость со стола и принеси нормальную еду из холодильника. Я всё равно ухожу, потому что испортил вам вечер. И, возможно, не только его, – Зант оглянулся в дверях.

–

Извините. Все-таки оракулу лучше держать язык за зубами. До свидания, – он повернулся и вышел.

"Да, вечер испорчен. Ну, не домой же теперь возвращаться?!" – подумал Зант. Недалеко жила его девушка. "Точно, надо заглянуть к Татти! Вот черт! И чего меня понесло?" – думал он. "Неужели так сложно держать эмоции под контролем и не болтать лишнего?!– злился он

сам на себя. Путь был недолгим, и, отворив решетчатую невысокую калитку, он вошел во двор. Татти сидела на крыльце и читала книгу.

–

Привет! – сказал он ей, улыбаясь.

–

О! Привет! – ответила она, также улыбаясь.

Что-то фальшивое он уловил в её улыбке. "Да. Это дежурная улыбка для всех, но не для того, кого любишь. А вот кому-то она улыбается совсем по-другому. Да. Вот он", – увидел оракул немолодого мужчину с обручальным кольцом.

–

Чем занимаешься? – спросил он.

–

Как видишь, читаю книжку, – продемонстрировав форзац обложки, сказала Татти.

–

Мне уйти? – Зант пытался сдерживаться, но сам чувствовал, как гнев начинает, словно мелкие пузырьки, будоражить виски и щеки.

–

Нет. Можешь остаться.

–

Ты любишь его? И что, тебя не смущает, что у него семья? Он же никогда не будет с тобой! – резко спросил он.

–

Да! – улыбка исчезла с лица Татти. Оно исказилось и стало напоминать маску злости и ненависти.

–

Да! Я люблю его. Он хороший муж и любящий отец. Я мечтаю о таком мужчине, как он. Но ты! Ты неудачник! Только обманываешь всех, а сам не стоишь и гроша!

–

Ну и сиди тогда тут одна со своей безответной любовью! – он быстро развернулся и вышел.

Зант и сам не знал, что на него нашло, все эти знания кричали у него в голове. Пульс бил в висках, словно литавры. Он готов был заткнуть уши, если бы это помогло. Сдерживать переживания от поступающей информации он не мог. Оракул чувствовал себя словно в несущемся автомобиле, у которого оторвался руль. Управлять или хоть как-то владеть ситуацией ему было не под силу. Вдруг, подходя к небольшому павильону по печати фотографий, он увидел на его крыше огромного махаона. Не соображая, что он делает, Зант подошел к нему и закричал:

–

Что ты со мной сделал?! Верни мне мою жизнь! Я не хочу! Я хочу быть обычным, нормальным человеком!

–

Ха-ха-ха! – послышалось где-то рядом, а кожу на лбу начало жечь, как огнем.

Зант упал на колени и попытался, как мог, стереть со лба притаившуюся там бестию. Но тщетно.

–

Бенджамин! С тобой все в порядке? Почему ты не идешь домой? Рабочий день уже закончился, – спросил вошедший на склад сэр Хайди-младший.

–

Я не могу встать, сэр. Моя нога, похоже, распухла, – признался сидящий на стуле Бенджамин.

–

О!.. Хорошо, я сейчас вызову медицинскую помощь. Так как случай произошел на рабочем месте, лечение за мой счет. Ждите, – сказал он и исчез.

–

Мистер, с вами все в порядке? – спросил оракула подошедший мужчина.

–

Не знаю. А вы как думаете? – ответил Зант.

–

Я думаю, что нормальные люди с киосками не разговаривают и не расцарапывают себе лоб до крови, – ответил незнакомец, протягивая платок.

–

Спасибо, – сказал Зант, вытирая лоб.

–

Вам бы к психологу сходить, а то недалеко и до беды, – участливо сказал мужчина.

–

Вы понимаете, мне в голову влез какой-то мотылек, который портит мне всю жизнь! – также участливо признался оракул.

–

Тогда вам надо к спиритисту.

–

Так я и есть спиритист.

–

М... В таком случае к психиатру, – сказал мужчина и стал потихоньку уходить.

–

Да вы не бойтесь, я только говорю людям правду и этим самым порчу им и себе жизнь, – прокричал Зант вдогонку.

–

Да-да, – ответил в ответ мужчина и скрылся.

–

Да! Докатился! От меня скоро все шарахаться будут. Что же делать?! – сказал Зант, медленно вставая и сжимая платок в руке. Он подошел к лавочке и обреченно плюхнулся на нее.

–

Что, не по себе? – сказал кто-то сбоку, сидящий на той же лавочке.

Рядом сидел незнакомый старик, его длинные седые волосы развевались на легком ветру. Такая же седая борода опускалась на облачение, похожее больше на древнюю тогу. Он смотрел куда-то вдаль, а руки лежали на посохе, очень похожем на кадуцей.

–

Да. Всё как-то не так... – начал Зант.

–

Всё зависит лишь от тебя, – сказал старик.

–

От меня?! Но этот чертов мотылек...

–

Мотылек здесь ни при чем, – спокойно перебил его старик, – все дело только в тебе.

–

Не понимаю, – признался Зант, глядя на старика.

–

Ты помнишь тот день, когда первый раз оказался в салоне спиритиста?

–

Вот! Это мистер Бенджамин, ему нужна помощь, он не может встать со стула. Его нога. Она, кажется, распухла, – отрекомендовал врачам бедолагу сэр Хайди-младший.

–

Разрешите взглянуть?... Да. Это серьезно, мы немедленно отвезем вас в госпиталь. Вы можете облокотиться на меня и сесть на носилки?

–

Да, – ответил Бенджамин.

–

А ты помнишь, кто привел тебя в этот салон? – спросил старик.

–

Как вы умудрились так повредить ногу? – спросил врач.

–

Не помню, – ответил Бенджамин.

–

Это был мотылек. Ты пошел за ним, а он словно играл с тобой. Манил тебя, – напомнил старик.

–

Бенджамин, мне казалось, что вы полезли за какой-то бабочкой, – попытался уточнить сэр Хайди-младший.

–

Да. Вспомнил. Точно! Это был мотылек, – подтвердил Бенджамин.

–

Этот мотылек и есть твой поводырь в мире спиритизма, – сказал старик.

–

Но кто вы?! Откуда вы это знаете? Я никому об этом не рассказывал, – пролепетал изумленный Зант.

–

Я и есть этот мотылек, – спокойно произнес старик, по-прежнему глядя куда-то вдаль. Онемевший Зант, не моргая, смотрел на старика.

–

Меня зовут Аолу.

Зант застыл словно статуя, и пожирал глазами собеседника.

–

А тебе надо научиться различать цвета и буквы, – улыбнувшись, заключил старик и посмотрел на оракула. Глаза Аолу были полны света и доброты.

Зант моргнул и почувствовал, как слеза скатилась по щеке. Тело заныло, требуя покоя. Оракул запрокинул голову и лег на скамейку, глядя в бесконечно синее небо.

–

Да. Мистер Бенджамин, лежите так, через двадцать минут мы подъедем к госпиталю, – сказал врач и отвернулся, глядя на дорогу.

–

Цвета и буквы... что все это значит? – спросил он, подняв голову. Но старика уже не было.

–

Что со мной? – спросил Зант сам себя.

Странное дело, но в мечтах Бенджамина всегда появлялся некто свыше, безмерно мудрый, как третье лицо, участвующее в его размышлениях. Он никак не мог объяснить это, просто мчался в своих мыслях куда-то вдаль, ведомый лишь фантазией. Недалеко от павильона с гигантским махаоном на крыше играли дети.

–

Это мой меч! – кричал один, вцепившись в прут от ветки клена.

–

Нет, мой! Я первый его взял! – кричал второй.

–

Ну и что. Ты его уронил, значит, теперь он мой! – не унимался первый.

–

Неправда! Он случайно упал! – подхватывал тут же второй.

–

Ну-ка, хватит! Отдайте мне сейчас же. Раз вы ссоритесь, значит не получит никто! – вмешалась подошедшая мать, отнимая несчастный предмет раздора.

"Вот так и мы", – подумал Зант, – "часто, ссорясь и заигрываясь, терпим лишения. И притом так и не понимаем, почему это произошло."

–

Бенджамин! Вы можете облокотиться на меня? Мы приехали? – спросил подошедший врач. За стеклом огромный госпиталь горел окнами холодного белого света.

–

Да, конечно! – ответил он и поднялся. Нога ныла и пульсировала.

После некоторых бумажных формальностей его поместили в небольшую палату на две койки. Вторая койка была не занята. "Отлично, – подумалось ему, – значит, мне никто не будет мешать". Тем временем Зант уже вышел из парка и добрался до своего дома. Плюхнувшись в мягкое анатомическое кресло, он все думал: "Цвета и буквы... Что же это? Как это понять?" Солнце уже село, на небольшой город опускался вечер. Ночь потихоньку брала бразды правления в свои руки, и оракул только сейчас почувствовал, как смертельно устал. Зевнув, он встал и отправился на кухню. Лежащая на столе газета приковала его внимание. "Изучаем цвета и буквы» – гласил заголовок рекламы дошкольного учреждения. Зант медленно подошел к столу и сел, не сводя глаз с рекламы.

–

Так это что же получается? – заговорил он сам с собой.

–

Я, по его мнению, в детском саду, что ли, нахожусь?

Вдруг сзади, из дальнего конца комнаты, послышалось шуршание крыльев бабочки. Оракул, оглянувшись, резко бросил туда взгляд. Звук прекратился. "Никого. Наверно, показалось," – подумал он, поворачивая голову, но вдруг резко остановился. За столом сидел старик.

–

Как вы здесь оказались? – спросил Зант.

–

Я всегда был здесь, – ответил старик.

–

Здесь? В комнате? – переспросил ошарашенный оракул.

–

Нет. В твоей голове, – сказал старик и улыбнулся.

–

Ты ненастоящий? Ты галлюцинация? – замешательству Занта не было предела.

–

Я такой же настоящий, как и эта комната, как ты. Я плод твоей памяти, накопленной за долгие столетия многими поколениями твоих предков.

–

Как это?

–

Есть память, глубоко в твоей голове, о которой ты не знаешь. Она накапливается и передается детям. Эта память управляет многими твоими поступками и формирует характер. Не ты принимаешь решения, а она, твоя скрытая суть.

–

Никогда ничего подобного не слышал, – признался Зант. – А почему я тебя вижу? Как я с тобой разговариваю? Я что, сошел с ума?

–

Нет. Ты нащупал путь глубоко в подсознание, в этот огромный океан, наполненный акулами и китами, но вырваться из него в сознание смог только маленький мотылек.

–

Что за ерунда?! Тебя нет! Я не хочу с тобой говорить! – закричал оракул.

–

Сейчас ты слаб, но ты должен понять. Этот безмерный океан связывает людей. Только с помощью него ты можешь узнать, что было и что будет, можешь взглянуть в душу каждому встречному. А сейчас отдыхай. Тебе надо набраться сил перед завтрашним днем.

–

А что будет завтра? – спросил Зант, испуганно посмотрев на старика.

–

Увидишь, – улыбнувшись, ответил Аолу и резко посмотрел в угол за спиной Занта, из которого послышалось трепетание крыльев мотылька.

Оракул обернулся, но никакого мотылька он не увидел. Как, в прочем, и старика.

–

Если такое со мной творит какой-то мотылек, что же будет при встрече с китом? – ухмыльнулся Зант и залез в холодильник.

По радио звучала композиция "Return to innocence" группы Энигма. "Неужели действительно есть такая память?" Он попытался вспомнить свое детство, самые ранние воспоминания, обрывки, которые как статичные картинки, безжизненно лежали на самом дне сознания. Но дальше – ничего. "Неужели где-то там, в памяти, живут мысли моего отца и матери, дедов и бабушек, прадедов... Нет, это невозможно." Он ел и думал, уставившись в одну точку. В таком же состоянии он выполнил все приготовления ко сну и, наконец, закрыл глаза в темной комнате. Ему снились огромные киты, проплывающие между зданиями, они молчаливо двигались, словно облака, и наблюдали за спящими внизу людьми. Зант понимал, что эти киты – люди, а вечно бегущие куда-то фигурки – муравьи. Муравей тоже, наверное, думает, что решает очень важные задачи и делает что-то очень полезное, но полезное он делает только для себя, поэтому никому, кроме муравьеда, он не интересен.

–

Доброе утро. Пациент Бенджамин Брайан, если я не ошибаюсь? – спросила вошедшая женщина – врач.

–

Доброе утро. Да, это я, – ответил Бенджамин, глядя на полутемные окна. "Восхода еще не было. Значит, еще совсем рано", – думал он.

–

Сейчас к вам придет медсестра и сделает укол, затем через час у вас будет врач-физиолог, он назначит вам курс процедур, – важно сказала доктор и, развернувшись, вышла.

Бенджамин плюхнулся в постель и закрыл глаза. Он стоял возле окна огромного небоскреба и любовался проплывающим китом. Огромное существо было похоже на гигантскую касатку. Вдруг глаз рыбы посмотрел на него, плавники зашевелились по-другому, и махина начала разворачиваться к нему лицом. Наконец существо подплыло близко к стеклу и внимательно посмотрело на оракула. Зант так и не понял, как это возможно, ведь глаза у рыбы сбоку, но перед собой эта громадина, оказывается, тоже могла смотреть. Рот рыбы открылся:

–

И долго ты будешь прятаться за стеклом? Иди сюда. Не прячься, – слова буквально врезались в голову, а голос был каким-то нереальным.

–

Ты со мной говоришь? – переспросил, оглядываясь по сторонам, оракул, но вокруг никого не было.

–

Не увиливай! Я все знаю и все вижу! – возразила громадина.

–

Я должен предупредить, что нахожусь под защитой моты... под защитой Аолу!

–

Аолу?! Откуда ты знаешь Аолу и как можешь оказаться под его защитой?

–

Он приходил ко мне, и мы беседовали...

–

Какой интерес может быть у Великого Аолу к такой букашке, как ты?!

–

Ты хочешь напугать меня? Да я... я могу видеть прошлое и будущее. Я оракул! – закудахтал Зант.

–

Ты можешь видеть? Как интересно. И что же ты можешь сказать мне о будущем? – издевательски поинтересовалась рыба.

–

Я... я... – Зант не чувствовал абсолютно ничего. Не было никаких догадок. Голова была пуста, как футбольный мяч.

–

Ну. Смелее, оракул. Я весь во внимании, – продолжала издеваться машина, обнажив хищные зубы.

–

Ты погибнешь, – сказал вдруг Зант, сам не понимая, почему он это ляпнул.

–

Что?! Что ты сказал? – взревела громадина.

–

Я сказал, что ты погибнешь, и сгубят тебя самолюбование и самонадеянность, – с каким-то спокойствием констатировал оракул.

Огромная рыба раскрыла рот и со всего размаху ударилась о стекло.

–

Иди сюда! Иди! Мы сейчас посмотрим, кто погибнет! – ревела она и билась о стекло.

От этих ударов все вокруг сотрясало. Вдруг стекло, не выдержав натиска, треснуло. Зант попятился назад, затем повернулся и бросился бежать. Еще удар, и что-то острое впилося ему в бедра. Простонав от боли, он оглянулся, чтобы увидеть, что причиняет ему боль. Это был осколок, отколовшийся от стекла. Оракул попытался достать его, но что-то невидимое препятствовало ему.

–

Бенджамин! Успокойтесь! Я должна сделать вам укол, – послышался откуда-то голос.

Боль постепенно прошла, рыба отплыла. "Кажется, все нормально", – стоило ему так подумать, как он увидел, что рыба не отплыла, а взяла разгон, чтобы пробить стекло. Он изо всех сил рванул в глубь, но в противоположной стене нигде не было двери. Только ровная стена, от угла до угла. Громадина неслась с большой скоростью. Вот послышался оглушительный удар, а затем шум разлетающегося вдребезги стекла. Оракул обернулся, чтобы запечатлеть последний миг своей жизни. Пробив стекло и обнажив ряды зубов, громадина неслась на него. Затем она остановилась в метре от несчастного Занта и зарычала во всю мощь, но вдруг почему-то поползла назад, все быстрее и быстрее, как будто кто-то тянул ее за хвост. Через мгновение ее уже утащил кто-то наверх. Зант подошел ближе и увидел огромную тень. Затем он подошел еще ближе, почти к самому краю и застыл на месте. Вверху плыла не просто огромная, а каких-то невероятных размеров черепаха. Она была раз в десять больше той зубастой рыбы. Голова, вернее, головы (их было две) были больше похожи не на черепашьи, а на головы какой-то ящерицы, увенчанной рогами. Во рту у нее, словно у охотничьего пса, лежала уже обмякшая рыба-агрессор.

–

Ну вот, ты и погибла, – сказал оракул, стоя возле разбитого окна, глядя на отдаляющуюся черепаху.

–

Да. А ведь мне просто повезло. Для этой черепахи я настолько мал, что не представляю никакого интереса. И в этом мое преимущество, – продолжил он разговор с самим собой.

–

Ты прав, но только теперь стекло, отделяющее тебя от этого океана, разбито. Это, с одной стороны, возможность путешествий с твоей стороны, но и полная незащитность от хищников этой стихии.

Зант оглянулся и увидел, как порхающий в воздухе мотылек стал расти. Все четыре крыла из пепельно-серых стали белыми, они излучали свет. А сам мотылек превратился в молодого человека.

–

Аолу?? – спросил ошарашенный оракул.

–

Да. Это я, – ответил молодой человек.

–

Почему эта рыба была такой жестокой по отношению ко мне? – поинтересовался Зант.

–

Это был один из великих страхов – страх смерти.

–

Страх смерти? – переспросил Оракул.

–

Да. Это один из древнейших страхов, передающихся из поколения в поколение. Из-за боязни гибели биологического тела человек не может успокоиться и воспринять истину. Он не в состоянии заглянуть за грань смерти тела и теряет самое ценное – себя. Кто-то спивается, поддаваясь этому страху, кто-то углубляется в работу, становится фанатиком или атеистом, но суть в том, что нет смерти, есть лишь переход. Интеллект – это психическая энергия, она состоит из эмоциональной силы, логической мощи и памяти. Такие вещи обходятся вселенной очень дорого, чтобы просто исчезнуть. Тем более, как я уже говорил, все это энергия, а энергия, как известно, просто так исчезнуть не может.

–

А что это за гигантская черепаха, которая съела эту рыбину?

–

Это Гархор – время, – сказал Аолу и улыбнулся.

–

Время?! – опять переспросил Зант.

–

Да. Время побеждает смерть.

–

Что это значит?

–

Для тебя это значит, что время этого страха в тебе ушло, но родилась новая ситуация: ты открыт. И это очень опасно для тебя, ведь твое развитие не дошло до существования в пяти измерениях. Поэтому, когда ты не спишь, не можешь контролировать всё, что происходит здесь, из бездны могут появиться такие твари, о которых ты даже представления не имеешь.

–

А что же мне делать?

–

Я буду рядом. Буду помогать тебе, – обнадежил оракула Аолу.

–

Спасибо! – улыбнулся Зант.

–

Но тебе пора вставать и встречать новый день со всеми его свершениями, – сказал Аолу.

–

Пора вставать! Бенджамин! Просыпайтесь, – врач – физиолог будил Бенджамин, раскладывая прибор около постели.

–

Доброе утро, – поздоровался Бенджамин.

–

Вы должны сесть, а больную ногу выпрямить так, чтобы она лежала на кровати. Понятно?

–

Да, конечно, – Бенджамин поднялся.

Врач подсоединил прибор, обмотал больную ногу каким-то мягким браслетом и включил агрегат. По ноге с легким покалыванием побежало тепло.

–

Ноге тепло? Болевых ощущений нет? – поинтересовался врач.

–

Нет-нет. Все хорошо, – ответил Бенджамин.

Он подождал несколько секунд, затем аккуратно прилег на кровать. Его тревожила одна мысль: как там Зант.

Тем временем Зант уже проснулся и позавтракал. Сегодня он решил заняться своим хобби. Для души он увлекался алхимией и финикийским языком, он даже время от времени хвастался коллегам своей лабораторией. В ней было все, что необходимо алхимику: образцы, реагенты, газовый очаг, лабораторная установка, вдохновляющие информационные плакаты на стенах, но главное, была полная секретность и покой. Он стоял на пороге и размышлял. Что-то изменилось. Он не был здесь, наверное, месяца два или три. Но было такое ощущение, будто он смотрел на корзину с игрушками из своего детства. Все казалось таким наивным и давно сыгранным. Он посмотрел на ближайший плакат с перечислением основных стихий: "Четыре стихии..." – и пошел дальше. "Стоп! А почему их четыре?" – осенило Занта. "В самом деле, никто не задается вопросом: почему четыре стихии? Земля – это очевидная стихия, потому что на ней живут существа и она является самодостаточной. Вода тоже – в ней живут рыбы и

морские животные... В воздухе – птицы... Огонь... Огонь – это совсем другое. В огне никто не живет, в отличие от трех других. Земля тоже может гореть при высокой температуре, как и вода, если в нее добавить спирт или нефть. Получается, что огонь нельзя поставить в один ряд с землей, водой и воздухом. Огонь – это не стихия – это явление, потому что, если остудить объекты, охваченные огнем, то это явление исчезнет, в то время как земля, вода и воздух с изменением температуры лишь меняют свои свойства. Так вот где ошибка! Поэтому и результата не получается!" – Зант просто "горел" от озарения. "Значит, три стихии, а не четыре. А есть явления, подобные огню, такие как, электричество, например..." Оракул почти бегом выскочил из лаборатории и помчался к своему коллеге, тоже алхимику, Крифту. Не глядя под ноги, сломя голову он уже через двадцать минут отчаянно стучал в дверь Крифта.

–

Что? Кто там? – слышалось из-за двери бормотание уже пожилого мистера Крифта.

–

Откройте скорее! Это эврика! – возбужденно кричал Зант.

–

Зант! Черт возьми! Это вы?! Что случилось? – спросил удивленный Крифт.

–

Это эврика! Вы понимаете?! Три стихии, а не четыре! – выпалил Зант и посмотрел в ожидании на коллегу.

–

Что? – переспросил Крифт.

–

Это ошибка! Стихий не четыре, а три! Огонь не стихия, потому что по всем параметрам он от них отличается. Огонь – явление!! – прокричал Зант, победно вскинув руки вверх.

–

И что дальше? – спокойно переспросил Крифт.

–

Как что?! Огонь – это яв-ле-ни-е! – по слогам попытался донести он свою гениальную мысль до коллеги.

–

Явление... Христа народу ... Я вижу, что явление, и что с того? Что это меняет?

–

Как? – возмутился Зант, – Это же совсем другое!

–

Что другое? Земля перестала вращаться, или Солнце светить? Что меняется-то? Да, возможно, нужно уточнить формулировку, и что?! Из-за этого, что, нужно барабанить в дверь и биться в истерике?!

–

Я... Мне казалось, что я сделал важное открытие и поэтому я хотел с вами этим поделиться... – стал оправдываться Зант.

–

Ты бы лучше клиентами поделился или выручкой... Что мне с твоего элемента? – прокрипел Крифт.

–

М... Мне казалось...

–

Казалось, казалось... Мало ли, что тебе казалось, – с откровенным недовольством сказал Крифт.

Зант внимательно пригляделся к коллеге. Что-то в нем было не так. Все было прежним снаружи, но внутри что-то будто сломалось. "Да. Старина Крифт сдался", – подумал Зант. Теперь было видно, что стержень, который, словно мачта, которая держала весь внутренний мир, сломался. Перед Зантом стоял не Крифт, а лишь его безвольная, озлобленная тень. Он устал, устал искать эликсир бессмертия и видеть в зеркале дряхлеющее тело, устал искать вечно ускользающий философский камень. Так бывает, к сожалению, когда мы перестаем быть честными с самими собой, когда заканчиваются силы бороться за жизнь и начинается "плавание по течению".

–

Я думаю, что погорячился, – сказал наконец Зант.

–

Вот именно, – согласился Крифт.

–

Пожалуй, мне пора, – с натянутой улыбкой добавил он, поворачиваясь к двери.

–

Я тоже так думаю, – сказал Крифт.

Выйдя на улицу, Зант почувствовал, что реальность вернулась в свое прежнее русло. Бежать и торопиться было некуда, и он побрел обратно. Внутри его как будто "точил червячок". Списав это на осадок от встречи с Крифтом, оракул не придал этому никакого значения. Кварталы сменяли друг друга, оракул свернул в небольшой сквер.

–

Ну, не расстраивайся. Все будет хорошо... – успокаивал мужчину женщину, плачущую на лавочке.

–

Что будет хорошо?! Ничего хорошего теперь не будет! – рыдала она.

Червячок внутри как будто усилил свой натиск. Зант прибавил шагу. Дом был оцеплен, а около него стояли пожарные наряды.

–

Что это? – екнуло в груди у оракула, и он почти побежал к дому.

"Нет- нет- нет- нет-нет!" – прокричал он внутри. Горела именно его квартира.

–

Что здесь происходит? – подбегая, спросил он у стоящего за ограждением полицейского.

–

Соседи вызвали службу спасения, когда увидели дым, вырывающийся из окон, – ответил полицейский.

–

Лаборатория! – вспомнил оракул и рванулся к дому.

–

При всем моем уважении – нельзя, – остановил его полицейский.
Оракул обхватил голову руками.

–

Да вы не расстраивайтесь. Все будет хорошо, – пытался успокоить его полицейский.

–

Чего тут может быть хорошего?! Многое из того, что там горит, мне не вернуть никогда! – с ужасом выговорил Зант.

Он сел на лавочку около дома и заплакал. За последние дни он потерял все: спокойствие, любовь, а теперь еще и дом, а вместе с ним и работу. Жизнь кончилась. В душе у оракула было такое опустошение, что даже мысли не хотели идти в голову. Незаметно для себя он лег на лавочку и свернулся калачиком. Слезы катились по щекам, падая на жесткие деревянные жерди, покрытые краской, облупившейся от времени. Не находя утешения, оракул закрыл глаза.

Зант стоял посреди бескрайней степи, вперед уходила дорога, какое-то шоссе. Оно было прямым и тянулось до горизонта. Ни одной машины, ни одной души, оглянувшись он обнаружил что за спиной такая же картина. "Что это? Где я? Что за странный сон?" Зант сел на теплый асфальт и поднял лицо к небу. "Я бы с радостью дождался какой-нибудь машины и свел бы счеты с жизнью, но машин нет..." Оракул закрыл глаза и опустил голову. Никаких признаков жизни или цивилизации, никого не было в этой степи. Он медленно открыл глаза и увидел что асфальт становится каким-то прозрачным и там, за этим стеклом проносились машины, ходили люди. Зант стал кричать и стучать, но все тщетно – никто его не видел и не слышал. И тут он почувствовал на себе нечто. Вначале было непонятно что происходит, только ощущение как будто кто-то за тобой подглядывает и желает убить, а ты не видишь, а только ощущаешь беспричинный страх. Зант резко перевернулся и уставился в небо – загораящая солнце и легкие облака вдоль дороги на значительной высоте плыл Гархор. Двуглавая черепаха невероятных размеров была очень сложным организмом, снизу можно было разглядеть тысячи каких-то маленьких конечностей-щупалец, каких-то глаз или органов которые занимались своей работой. Гархор действительно был настолько впечатляющим что оторвать от него взгляд было невозможно, но все же Зант перевел все свое внимание на тень которую отбрасывало это создание. Она шевелилась и ползла вслед за Гархором и было в ней что-то настораживающее. Приглядевшись Зант остолбенел, вся гигантская тень состояла из небольших зубастый тварей, которые сгрызали и уничтожали все что попадало в тень. Он уже мог разглядеть их слепые морды и ряды зубов...

–

Бенджамин! Проснитесь, – аккуратно трясла его за плечо медсестра, – вы пропустили завтрак, но я принесла вам его сюда в палату. Обед уже через 2 часа. Не забудьте.

Бенджамин лежал на кровати, напротив него, у двери располагался небольшой столик, который благоухал завтраком. Не спеша он поднялся, сел и дотянулся до трости, оставленной для него врачом. Путь до стола составил буквально два-три шага и усевшись он принялся рас-

смаковать яства. У Бенджамин было такое чувство будто он попал в ресторан, настолько обильным и вкусным ему показались больничные харчи после его привычных перекусов непонятно чем. У него даже мелькнула мысль не поболеть ли подольше, но он сразу же отогнал ее от себя и сосредоточился на поглощении пищи. В дверь постучали и затем сразу же без паузы показалось лицо незнакомого доктора.

–

Здравствуйте, извините что отвлекаю, – сказал доктор быстро войдя и усевшись на стул напротив.

–

Добрый день, – ответил Бенджамин.

–

Как вы себя чувствуете? – поинтересовался доктор.

–

Хорошо, спасибо, – ответил Бенджамин.

–

А Зант как себя чувствует? – с такой же участливостью спросил доктор. Лицо Бенджамин застыло, затем он перевел взгляд на доктора и моргнул два раза.

–

Он... ему... ему приснился страшный сон... – замялся Бенджамин.

–

Так-так-так, – пробормотал доктор, показывая, что весь во внимании.

–

Он лежал на дороге, кажется... или под дорогой... над ним плыл Гархор и надвигалась его тень, – Бенджамин впервые рассказывал кому-то свои мечты, и это рождало в нем такое волнение, что даже голова стала кружиться.

–

Вы не переживайте, Гархор – это время, а его тень – это пожиратели настоящего...

Ощущение реальности стало размываться. Бенджамин окинул взглядом палату, пытаясь найти что-то указывающее на нереальность происходящего, но придаться было не к чему.

–

...Наша память, как коралловый риф, формируется из прожитого времени. И для ее формирования необходим живой, трепещущий день, который заканчивается, и тогда наступает ночь – сон. День умирает, переходя из настоящего в прошлое.

А пожиратели настоящего уничтожают его, потому что время его прошло, – доктор смотрел на Бенджамин.

–

Я сплю? – наконец спросил Бенджамин.

–

Нет, – любезно ответил доктор, – уже нет. Вас разбудила медсестра.

–

Понятно, – сказал Бенджамин и уставился в тарелку.

–

Просто вы заглянули за завесу, увидели то, что обычно скрыто. Видимо, это произошло из-за разрушенной защиты между Зантом и океаном мысли. Ну да ладно, не буду вас отвлекать. Приятного аппетита, – вставая, отрапортовался доктор.

–

Кто вы? – спросил Бенджамин.

–

Это не важно, – улыбнувшись, сказал доктор и исчез за дверью.

"Что это было?" – подумал Бенджамин. "Вроде бы, я не сплю. Откуда тогда этот человек знает о моих мыслях?" Бенджамину стало как-то неуютно. Навязчивая мысль о том, что за ним следят, мешала отвлечься от реальности. Бедный мечтатель так был огорошен этой встречей, что не мог даже прийти в себя до самого вечера. Но вот, наконец, наступила ночь. И как Бенджамин ни сопротивлялся, все-таки заснул.

Оракул резко проснулся и вскочил с лавочки, как ошпаренный. Оглядевшись, он понял, что это был сон, и, вздохнув, медленно сел на лавочку. Вдалеке всходило солнце. Его лучи освещали верхушки домов и деревьев. "Сколько их было, и сколько еще будет? Этих закатов и рассветов. Целая вечность до меня, и целая вечность после. А я – ничтожный миг. Секундная тень, сформировавшаяся из праха и тут же растворившаяся в прах. Пепел, я такой же пепел, как и тот, что остался от моего дома. Все тлен, и все прах." Зант зашел в опустевший и выгоревший дом. Ощущение горя чуть притупилось, но стало нарастать постоянной и мучительной болью. "Вот здесь была кухня, а это спальня, а вот библиотека", – думал он, набирая пепел в ладони и сжимая их в кулаки. "Все пропало: дом, работа, личная жизнь... Зачем жить дальше?!"

–

Да. Твоя прежняя жизнь кончилась, но началась новая. Ты утратил привычные атрибуты жизни, но не потерял ее саму.

Зант резко оглянулся. На единственном уцелевшем металлическом стуле сидел знакомый старик Аолу.

–

Как? Как теперь жить? – почти плача, выдавил Зант.

–

Все это ты уже знаешь, и все это тебе не нужно сейчас. Обрети новое, неизведанное, – продолжал Аолу, показывая на стены.

–

Что? Что я должен обрести?

–

Покой, уверенность и счастье, – улыбаясь, сказал Аолу и посмотрел на оракула.

В этих глазах были и сострадание, и забота, и истина. Зант не выдержал и отвернулся. Он знал, что, оглянувшись, он уже не найдет собеседника. Оракул медленно повернулся назад и, подойдя к стулу, на котором сидел Аолу, сел на него. Глаза закрылись в очередном мучительном сожалении.

–

Простите!?! А! Здравствуйте! – прокричала вошедшая женщина.

–

Да. Что вы хотели? – ответил Зант, не вставая со стула.

–

Вы меня помните? Я проходила мимо вашего дома со своим сыном, и вы сказали мне о супе, который я забыла на плите.

–

А! Да. Я помню. Жаль, что мне про суп никто не сказал... – пробормотал оракул себе под нос, – Чем могу быть полезен?

–

Мой сын говорит, что видит вас во сне.

–

Меня?

–

Да. Он говорит, что вы снитесь ему расставляющим какие-то фигуры.

–

Фигуры?

–

Да. То какие-то звезды, то кресты, треугольники... Вот посмотрите, что он рисует, – женщина протянула ему изрисованный лист, на котором был изображён человек, держащий на руках круг, вписанный в шестиконечную звезду. Этот символ, он очень хорошо знал – символ завершённого делания в алхимии. И позади этой фигуры были разбросаны треугольники, пяти- и шестиконечные звезды, кресты, круги и символы.

–

Очень интересно. Ваш сын – необычный человек. Внимательно смотрите за ним, потому что ему понадобится ваша помощь, и от вас будет зависеть, будет ли он счастлив или ему предстоит страдать всю жизнь.

–

Спасибо, – женщина смотрела на него с трепетом, – большое спасибо!

Она протянула ему небольшой ограненный синий полупрозрачный камень. Зант взял его и посмотрел ей в след. "Да. Раньше я бы "запудрил ей мозги" и без оплаты не отпустил бы ни за что, но теперь... Зачем мне все это теперь, когда у меня нет ничего. Ничего, кроме себя самого".

–

А что еще тебе нужно? Все вы прячетесь за вещи, которыми обрастаете. Со временем вам кажется, что эти вещи и есть вы, но это не так. Вы теряете себя. Отдай все и не жалея, потому что с этого момента ты обретаешь себя самого. Вспомни: "Раздай все и иди за мной". Какая разница, на чем ты сидишь или на чем лежишь, если душа мертва?

–

Аолу! Это не вежливо появляться и исчезать без предупреждения! – Зант резко повернулся к стене, возле которой на этот раз стоял старик.

–

Ты должен изучить цвета и буквы. И это крайне важно, – старик махнул рукой вдоль стены, и она вдруг, преобразившись, вернулась в состояние до пожара, – все вот это приходит и уходит, меняется и, в конце концов, исчезает. А вот ты останешься. Подумай, кому ты можешь быть интересен, если, оставшись наедине с самим собой, ты понимаешь, что тебе даже не о чем поговорить?

–

Мне и так плохо, уходи! – прокричал Зант.

Старик тут же исчез, но стена осталась, как будто была не тронута пожаром. "Как он это сделал?" Оракул махнул рукой, но ничего не поменялось. Затем он подошел и погладил стену, которую вернул Аолу, и посмотрел на свою руку. "Рука чистая, пепла нет, значит, это не гипноз и не галлюцинация. Но как?!" Тогда он поднял с пола палку и начертил ей знак завершеного делания на сгоревшей стене, затем сосредоточился и вспомнил, какой стена была до пожара. Оракул вложил все силы в это видение и резко открыл глаза – стена была такой, какой он ее помнил. Даже висели на своем месте полки с книгами, на которых стояла экибана.

–

Получилось... Получилось! – завопил Зант, – Аолу, у меня получилось!

–

Хм-хм! Здравствуйте! Я менеджер страховой компании, вы позволите? Мне необходимо оценить ущерб, – молодой человек бесцеремонно прошел в комнату.

–

Оценивайте, – нахмурившись, посмотрел на него Зант.

–

Так значит здесь две стены сгорели, пол и потолок, а две не тронуты..., подождите, а как это? Как получилось, что эти две стены не сгорели, это же не возможно? – менеджер разглядывал стык обгоревшего потолка и двух нетронутых стен в углу и не верил глазам.

–

Не знаю. Вы же оцениваете, вот и оценивайте, не отвлекайтесь, – с издевкой выдал Зант.

–

Хм. Ну ладно. Я пойду, другие комнаты осмотрю.

Тем временем Зант проделал то же самое с оставшимися двумя стенами, потолком и полом. Сев на стул, он любовался своей победой и радовался, как ребенок. Через минуту в комнату опять заглянул страховой агент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.